

- *Эмоции в массовом поведении*
- *Процедуры выделения смысла в структурах коммуникации и их роль в омассовлении информации*
- *Побуждающие и сдерживающие факторы участия населения Республики Беларусь в донорстве крови и ее компонентов: социологический анализ*

УДК 316.454.3

ЭМОЦИИ В МАССОВОМ ПОВЕДЕНИИ

А. В. Рубанов, доктор социологических наук*

Целью статьи является изучение влияния эмоциональных состояний больших групп людей на их поведение. Рассматриваются три группы эмоциональных переживаний. Во-первых, переживания типа желаний, составляющие внутренние основания мотивации и побуждающие людей к действиям. Во-вторых, переживания удовлетворенности и неудовлетворенности и их влияние на массовое поведение. В-третьих, проявления в массовом настроении и поведении эмоций страха, гнева, стыда, зависти и др. Выявляется динамика массовых эмоциональных состояний. Сделан вывод, что объяснение и прогнозирование поведения больших групп людей предполагает выяснение состояния и динамики их настроений и массовых эмоций.

Ключевые слова: массовое поведение, эмоция, настроение, мотив, желание, депривация, страх, гнев, радость, стыд, вина, зависть.

Emotions in Mass Behavior

A. V. Rubanov, Professor, PhD in Sociology

The goal of the article is an analysis of the influence of large group's emotional state on their behavior. Three groups of emotional experience are analyzed. Firstly, human desires as an inner basis of human motivation and an inducement to activity. Secondly, experience of satisfaction and dissatisfaction and their influence on mass behavior. And, thirdly, emotions of fear, anger, shame, envy in mass mood and behavior. The dynamics of mass emotional experience is explicated. The main conclusion is that explanation and prognosis of behavior of large groups needs explication of the state and dynamics of their expectations and mass emotions.

Keywords: mass behavior, emotion, mood, motive, desire, deprivation, fear, anger, joy, shame, guilt, envy.

Роль эмоциональных переживаний в жизни человека, социальных групп — традиционная проблема, без объяснения которой невозможно адекватное понимание, в частности, механизмов массовых действий людей. Еще Аристотель в «Политике», объясняя источники возмущений и государственных переворотов, учил, что для того, чтобы разобраться в них, «во-первых, нужно знать настроение людей, поднимающих мятеж; во-вторых, ради чего; в-третьих, с чего, собственно начинаются политические смуты и междоусобные распри» [1, с. 529]. Обращаем внимание, что на первое место он ставит настроения людей. Углубляясь в мотивационно-эмоциональную основу массовых действий (по выражению Аристотеля, «причины и поводы движения души»), он выделяет стремление к прибыли и почету, на-

глость, страх, превосходство, презрение, чрезмерное возвышение, а также происки, пренебрежительное отношение, мелкие унижения, несходство характеров. Тот же страх, по его словам, «служит причиной распрей в том отношении, что, с одной стороны, люди, нанешие обиду, боятся понести кару, а с другой — те, кому грозит опасность стать жертвой обиды, желают предупредить возможность обиды еще до ее нанесения» [1, с. 530].

При некоторой неоднозначности сложившихся подходов к оценке роли эмоциональных переживаний в поведении человека и больших масс людей к ним можно отнести:

— во-первых, внутренние основания мотивации, т. е. переживания типа желания, хотения, влечения и т. п., побуждающие к действиям, направленным на достижение определенного состояния (положения) или обладание чем-либо;

— во-вторых, переживания удовольствия (удовлетворенности) или неудовольствия (неудовлет-

* Декан факультета философии и социальных наук БГУ.

воренности), содержащие эмоциональную самооценку людьми их текущего состояния (положения) и влекущие за собой некоторые последующие (ответные) действия;

— в-третьих, эмоции типа страха, гнева, стыда, зависти, обиды и др., также содержащие оценку жизненно важной для человека ситуации и вызывающие определенные действия с его стороны.

Данные разновидности эмоциональных переживаний, по существу, выделялись еще со времен античности, например, упоминавшимся выше Аристотелем. Первое отступление от данной традиции и вывод побуждений из числа эмоциональных переживаний, как пишет В. К. Вилюнас, связаны с расширенной трактовкой феномена воли, когда этим понятием стало обозначаться всякое психическое явление, характеризующееся признаком активности. К явлениям воли и были отнесены побуждающие переживания, несмотря на то, казалось бы, очевидный факт, что волевое усилие необходимо там, где нужно действовать или при отсутствии непосредственного волевого импульса, или вопреки ему. Другая попытка отказа от обращения при объяснении поведения к побуждающим переживаниям связана с началом детальной проработки темы мотивации. Конечно, круг факторов, которые детерминируют человеческую деятельность и вполне правомерно стали объектом пристального внимания, продолжает он, гораздо шире. Но это их многообразие не снимает проблемы субъективных переживаний, непосредственно побуждающих к деятельности. Природа, механизм возникновения побуждающих переживаний не становятся понятнее от использования таких как бы заменяющих их конструктов как инстинкт, драйв, валентность и т. п. Без возвращения побуждающих переживаний в психологию мотивации важнейшее звено мотивационного процесса остается вне поля зрения исследователей [2, с. 49—56].

Схожей точки зрения еще раньше придерживался С. Я. Рубинштейн, когда говорил о двухчленном делении психических процессов на интеллектуальные и аффективные, а также о том, что последние уже вторично подразделяются на 1) стремления, влечения, желания и 2) эмоции, чувства [3, с. 267].

На наш взгляд, важно различать, во-первых, эмоциональность как чувствительность к любому значимому в биологической и социальной жизни человека, безотносительно к конкретному содержанию этого значимого; во-вторых, отдельные эмоциональные явления (оформления и проявления эмоциональности), которые сообщают человеку конкретное содержание, жизненный смысл значимых для него фактов, процессов и событий.

Рассматривая проблему побуждающих переживаний, также обязательно надо иметь в виду, что каждое из побуждений имеет конкретный вызывающий его предмет, который находится в определенном социальном и культурно-историческом контексте. В русле данной исследовательской традиции объяснения источников человеческой деятельности в советской психологии было введено понятие «опредмеченная потребность» (можно добавить: опредмеченное желание), т. е. потребность (желание), которые каждый раз имеют свой конкретный предмет.

Понимание места внутренних оснований мотивации, т. е. переживаний типа желания и т. п., в поведении людей и их групп становится весьма очевидным при анализе значения в их деятельности мотива достижения успеха. Исследования показали, что конкретное содержание связанных с этим мотивом действий обусловлено культурно-историческим контекстом и может существенно различаться. Но суть мотива достижения остается одна. Это желание (побуждающее переживание) достичь, как правило, реально осязаемую (земную) цель. Так, в современном капиталистическом обществе желания больших масс людей сосредоточены в области потребления, вызывая схожесть их действий, ориентированных на рост доходов и использование новых возможностей в сфере услуг.

Второй аспект изучения роли эмоциональности в поведении отдельных людей и разных по масштабу групп связан с эмоциональным переживанием удовольствия (удовлетворенности) или неудовольствия (неудовлетворенности). Особую роль в детерминации поведения играет переживание неудовольствия (неудовлетворенности). С ним связан ряд интересных концептуальных объяснений источников активных, иногда деструктивных, действий больших масс людей.

В современной терминологии данный феномен часто описывается посредством понятий «абсолютная» и «относительная» депривация. Хотя еще у К. Маркса мы встречаем схожие понятия «абсолютное» и «относительное» обнищание. Различие между данными подходами состоит в том, что если Маркс имел в виду главным образом материальное положение людей, то используемое в настоящее время понятие депривации более разнопланово по своему содержанию.

В связи с объяснением поведения людей на основе понятия «депривация» интерес представляют идеи П. Сорокина. Сорокин считал непосредственной предпосылкой любой революции увеличение числа подавленных базовых инстинктов большинства населения, а также невозможность

даже минимального их удовлетворения, иными словами, неудовлетворенность людей их элементарными жизненными возможностями и перспективами. В числе базовых инстинктов Сорокин называл голод и пищеварительный инстинкт, импульс собственности, инстинкт самосохранения и половой инстинкт, импульс свободы, группу инстинктов самовыражения унаследованных способностей и др. Такая интерпретация причин роста недовольства получила название теории абсолютной депривации, хотя сам Сорокин понятия «депривация» не использовал.

Другой подход к объяснению оснований индивидуальных и массовых действий представлен теорией относительной депривации, в которой возникновение чувства недовольства и лишения связывается с рассогласованием человеческих притязаний и тем, что люди имеют в действительности и ощущают как некоторую ущемленность. Чувство относительной депривации обостряется, когда в близкой человеку социальной среде появляются и реализуются частью людей новые жизненные шансы, а он в этой ситуации достичь новых стандартов жизни не может. Этот феномен применительно к древнегреческому обществу описывал еще Аристотель, когда писал, что «стремление получить прибыль и почет ведет к взаимному раздражению людей не потому, что они желают приобрести их для самих себя, но потому, что они видят, как другие — одни справедливо, другие несправедливо — в большей степени пользуются этими благами» [1, с. 530].

Феномен массового недовольства хорошо описал Г. Блумер, используя понятия «социальное беспокойство» и «коллективное возбуждение». Возникновение социального беспокойства он описывает следующим образом. Когда у людей есть желания, которые не могут быть удовлетворены наличными формами существования, они оказываются в состоянии беспокойства. Они ощущают побуждение к действию, но одновременно и препятствие, мешающее его исполнению. В результате они испытывают дискомфорт, фрустрацию, неуверенность, как правило, отчуждение или одиночество. Это внутреннее напряжение обычно выражается в беспорядочной и некоординированной деятельности. Внешне эта деятельность имеет лихорадочный характер, лишена последовательности. Внутренне она принимает форму расстроенного воображения и беспорядочных эмоций. В наиболее острых формах она характерна для невротического поведения. Однако присутствие чувства беспокойства среди множества индивидов не обязательно означает наличие состояния социального беспокойства. Только по мере

того, как люди взаимодействуют друг с другом, возникает взаимное подкрепление беспокойства. В итоге социальное беспокойство обычно возникает там, где образуется повышенная взаимная чувствительность, существуют интенсивные межличностные контакты, а также там, где люди вместе переносят разрушение заведенного уклада жизни.

Основными чертами социального беспокойства являются, во-первых, беспорядочный характер поведения из-за отсутствия четко понимаемых целей; во-вторых, возбужденные чувства тревоги, страха, неуверенности, повышенная агрессия, что способствует распространению слухов и преувеличений; в-третьих, раздражительность и повышенная внушаемость тех, кто недостаточно устойчив в настроениях и образе действий и легко откликается на новые стимулы и идеи [4, с. 171—173].

Специфическими признаками возбужденного поведения, которое тесно связано с социальным беспокойством и дополняет его, являются, во-первых, особая сила, с которой оно захватывает, приковывает и подчиняет себе внимание людей, теряющих нормальный самоконтроль; во-вторых, их чрезмерная эмоциональная восприимчивость, подверженность влиянию извне и безответственность. На основе интенсивного коллективного возбуждения образуется такой интересный феномен, каким является социальная инфекция. Она означает сравнительно быстрое и бессознательное распространение определенных настроений, побуждений или форм поведения. Ее примерами является распространение военной истерии, увлечений, маний и т. п. [4, с. 174].

Третий аспект изучения роли эмоций в массовом поведении людей связан с переживанием ряда конкретных, в основном ситуационных эмоций. Особое внимание в этой связи обращает на себя феномен «массовое настроение». По определению, настроение — это общее эмоциональное состояние, характерное для человека или группы лиц в течение более или менее длительного промежутка времени. Характеризуя настроение, выделяют его импульсивность, динамичность, изменчивость, заразительность, существенное влияние на сознание и поведение людей. Подчеркивая его особое значение в социальной жизни, В. М. Бехтерев писал, что вместе с изменением настроения группы или народа изменяется соответствующим образом и весь характер общественных воззрений [5, с. 167].

Массовое настроение возникает на основе единичных настроений, но зачастую существенно усилившихся, обострившихся в результате за-

ражения, т. е. многократной взаимной передачи эмоционального состояния от одного индивида к другому. Для заражения необязательны непосредственные контакты. Находящиеся в состоянии повышенного эмоционального напряжения индивиды могут ограничиваться узким кругом контактов, эпизодическими разговорами «с глаза на глаз» на волнующую тему и т. п., но и этого порой достаточно для резкого возрастания сходных эмоциональных состояний широких масс. Следует также учитывать влияние средств массовой информации, в последнее время в особой степени социальных сетей Интернет, слухов и т. п.

При анализе содержания настроения целесообразно, во-первых, принимать во внимание доминирующую в нем эмоцию и присутствие других эмоциональных состояний; во-вторых, оценивать его по выделенным еще В. Вундтом трем двухполюсным параметрам: удовольствию-неудовольствию, возбуждению-успокоению и напряжению-разрешению. Раскрывая содержание этих параметров, Вундт отмечал, что «всю систему чувств можно определить как *многообразие трех измерений*, в котором каждое измерение имеет два противоположных направления, исключая друг друга. Наоборот, каждое из шести основных направлений, получающихся таким образом, может сосуществовать с чувствами тех двух измерений, к которым само оно не принадлежит» [6, с. 49—50].

Об эмоциональных состояниях удовольствие (удовлетворенность) — неудовольствие (неудовлетворенность) мы говорили выше. Остановимся на двух других измерениях эмоциональности, выделенных Вундтом.

Эмоциональное возбуждение можно описывать при помощи континуума активации: кома, глубокий сон, сонливость, апатия, безразличие, заинтересованность, бодрость, возбуждение, сильное возбуждение (страх, гнев, радость), крайнее возбуждение (паника, ужас, бешенство, экстаз, полное отчаяние). При крайнем возбуждении сознательная ориентация и контроль практически невозможны. При сильном возбуждении они возможны, но одновременно наблюдается ограниченное расплывчатое сознание, диффузное внимание, растерянность, усиление ассоциативной активности — «наплыв мыслей», ощущение сильного беспокойства, неодолимое желание что-то сделать иногда вопреки реальности и т. п. [7, с. 40—42]. Понятно, что наиболее благоприятная для эффективной деятельности степень возбуждения находится в границах от заинтересованности до простого возбуждения.

Возникновение эмоционального напряжения связано с ситуацией блокирования внешней активности, а также экспрессивного выражения возбуждения. Это происходит, например, когда невозможно открытое проявление гнева, радости, возникают препятствия для реализации мотивов, предпочитаемых способов действия. Часто за накоплением напряжения происходит взрыв, за которым следует уменьшение напряжения, а возможно, и его угасание [7, с. 43—45].

Характерная черта массового настроения — его динамичность. Эта динамичность в значительной мере является отражением изменчивости социальных условий жизни. Но замеченная за массовым настроением склонность к периодическим переменам объясняется также внутренне присущей ему ритмичностью функционирования. По словам Бехтерева, который обратил внимание на эту закономерность, настроение «не может оставаться бессменно одним и тем же в течение долгих периодов времени».

Исследователи революционных событий неоднократно указывали на то, что первоначально им сопутствует массовое возбуждение, энтузиазм, подъем настроения тех социальных групп, для которых эти события открывают новые возможности. Так, перспектива возникновения на какой-то период времени состояния эмоционального подъема во время крушения старой социалистической системы, по словам «отца» польских экономических реформ начала девяностых годов прошлого века Л. Бальцеровича, принималась во внимание инициаторами радикальных преобразований экономики, которые в условиях так называемой «шоковой терапии» для значительной части населения выливались в существенные социальные потери [8, с. 293—294].

Не менее важно учитывать и то, что за периодом бурного подъема, роста возбуждения чаще всего начинается фаза усталости, а при неудачном развитии событий — разочарования и апатии. «Самым непосредственным результатом революции, — писал о динамике настроений масс во время французской буржуазной революции 1789 г. Г. В. Плеханов, — было чувство *огромной усталости*. Великие усилия, проявленные людьми того времени, вызвали *властную потребность в отдыхе*. Наряду с этим чувством усталости, неизбежным после всякой большой затраты энергии, наблюдается также известный скептицизм» [9, с. 647]. Особенно, можно продолжить Плеханова, если надежды сменяются разочарованием.

Конкретизируя основные тенденции, характерные для динамики массовых настроений, В. М. Бехтерев отмечал, что «чем быстрее и выше

поднимается волна настроения, тем быстрее и глубже она затем падает и, наоборот, чем медленнее она поднимается, тем медленнее она и опускается. Но подъем настроения может быть вызван какими-нибудь внешними толчками, которые находятся вне условий данного общества, и тогда вышеуказанное правило не может иметь места» [5, с. 164]. Когда бодрое коллективное настроение, сопровождающееся стремлением к осуществлению соответствующих действий, достигает высокой степени развития, мы говорим об энтузиазме народных масс. Но этот энтузиазм проявляется обыкновенно под влиянием более или менее сильных внешних поводов [5, с. 166].

При достаточной многогранности содержания отличительной особенностью настроения является доминирование какой-либо одной эмоции, наиболее точно и полно выражающей состояние людей в сложившейся жизненной ситуации. При характеристике эмоционального состояния больших групп людей в качестве доминирующих чаще всего называют эмоции страха (тревожности), гнева (агрессии), радости, стыда, вины, депрессии (горя, страдания), зависти.

Страх — одно из наиболее распространенных эмоциональных состояний. Эффект от пробуждения страха (тревоги) проявляется особенно быстро и особо ощутимо влияет на поведение людей. Связано это со спецификой переживания страха. Оно искажает восприятие действительности, замедляет, делает более узким по объему и ригидным по форме мышление, очень сильно ограничивает свободу поведения, сводя его к самым примитивным реакциям. Основными источниками страха, в порядке их значимости, являются ощущение угрозы, опасности, чувство одиночества, отверженности, потерянности, ожидание понижения самооценки, неминуемой неудачи, ощущение собственной неадекватности в данной ситуации, новизна и неожиданность происходящих событий [10, с. 328—329].

Со страхом тесно связано состояние тревожности. Большинство описаний тревожности включает наряду со страхом как доминирующей эмоцией другие эмоциональные переживания, особенно такие как страдание, гнев, стыд, вина, интерес. Появляются комбинации типа страх-страдание, страх-гнев, страх-страдание-гнев, страх-стыд-вина и т. п. [10, с. 330—332]. Своеобразие тревоги состоит в том, что она вызывает активацию организма до того, как произошло ожидаемое событие. Определенный уровень тревожности — необходимое условие эффективности любой деятельности. Но нередко временной разрыв между появлением тревоги и самой неприятностью бывает

весьма продолжительным, что ведет к чрезмерному и в общем-то бессмысленному расходу психической энергии. Для ослабления тревоги используются механизмы защиты, наиболее распространенные из которых выявили и изучили З. и А. Фрейд. При определенных разочтениях к ним чаще всего относят следующие: сублимацию, вытеснение, реактивное поведение (противодействие), отрицание и отвергание, замещение, проекцию, рационализацию (ложную аргументацию), регрессию, интроекцию. Эти механизмы достаточно отчетливо проявляют себя не только в индивидуальном, но и в массовом поведении.

Основной причиной гнева является ощущение физического или психологического препятствия на пути человеческого действия. Этим препятствием могут быть физические помехи, принятые в данном сообществе правила и нормы поведения, законы или собственная неготовность, некомпетентность. Другими причинами гнева являются длительное страдание, оскорбление, прерывание ситуации интереса или радости, обман, попытки заставить сделать что-то вопреки желанию. Гнев выполняет определенную позитивную роль, поскольку повышает физическую силу и уверенность в себе, способствует подавлению страха. В сочетании с презрением и отвращением он составляет эмоциональную основу агрессии [10, с. 290—312].

Третья фундаментальная эмоция, проявляющаяся в массовом поведении, — это радость. По выражению Б. Спинозы, «веселость не может быть чрезмерной, но всегда хороша» [11, с. 557]. Она характеризуется переживанием удовольствия и наслаждения жизнью, уверенности и личной значимости, появлением хотя бы временной удовлетворенности собой, окружающими и всем миром. Чаще всего к радости ведут удовольствие, успех, ощущение, что тебя принимают, ты нужен, можешь что-то дать другим людям, уверенность в себе, бесконфликтность, комфортабельность, расслабленность. Радость облегчает установление взаимосвязей между людьми и усиливает их, помогает переносить тяготы повседневной жизни, увеличивает устойчивость к фрустрации, несколько успокаивает человека, находящегося в ситуации постоянного напряжения и стресса. Переживание радости повышает социальную активность и увеличивает альтруизм. Факторы, препятствующие возникновению радости, весьма многочисленны и разнообразны. Это, прежде всего, трудные условия жизни, вынуждающие людей бороться за существование, непрерывно находясь в состоянии усталости и скуки. Сюда же следует отнести: подавление творческой активности, все-

проникающий контроль и строгую регламентацию жизнедеятельности человека; безличные и чересчур иерархизированные отношения между людьми; догматизм в воспитании детей, отношении к сексу и религиозным организациям, который затрудняет человеческое самопознание, любовь и доверие к себе; наконец, большое значение, которое придается в обществе материальному успеху и достижениям и др. [10, с. 210—243].

Концентрированным выражением массовой радости стали праздники. Происхождение и функцию праздников на примере Средневековья проанализировал М. М. Бахтин. Он связывал их появление и значение с тем, что для официальной культуры средневековья была характерна *«односторонняя серьезность тона»*. Страх, благоговение, смирение — таковы были тона и оттенки этой серьезности. Поэтому они изменяли подлинной природе человеческой праздничности. «Но эта подлинная праздничность была неистребимой, и потому, — писал он, — приходилось терпеть и даже частично легализовать ее вне официальной стороны праздника, уступать ей народную площадь» [10, с. 15]. Выражением праздничной жизни народа тогда стал карнавал. Большие города средневековья жили карнавальную жизнь в общей сложности до трех месяцев в году. Помимо карнавала, частицами праздничной культуры стали постоянные носители карнавального начала — шуты, дураки, великаны, карлики, уроды, скомоорохи разного рода и ранга, огромная и разнообразная пародийная литература, отдельные смеховые обряды и обычаи. В пасхальные дни даже священник с кафедры позволял себе всевозможные рассказы и шутки, чтобы после долгого поста и уныния вызвать у прихожан перемену настроения, радостный, веселый смех. Этот смех назывался «пасхальным смехом». Кроме него, существовал еще «рождественский смех». Если первый реализовывался в проповедях, рассказах, шутках, анекдотах, то второй — посредством веселых песен [12, с. 91].

Антипод радостного, праздничного настроения — страдание, депрессия. Люди, находящиеся в таком состоянии, склонны к бездеятельности, социально пассивны, порой враждебны. Проявляется депрессия обычно в четырех группах явлений. На эмоциональном уровне — в унынии и угнетенном настроении. В когнитивном отношении — в склонности рассматривать себя в качестве неполноценного. Очевидными внешними показателями депрессивного состояния являются жалобы, просьбы, плач, раздражительность. Ключевая эмоция при депрессивном состоянии — страдание. Но оно может также сочетаться с гневом, от-

вращением, виной, презрением, страхом, застенчивостью [10, с. 272—289].

Существенное влияние на массовое поведение оказывают тесно взаимосвязанные между собой эмоциональные переживания стыда и вины. Возникновение стыда обусловлено разочарованием в себе и ощущением своей неуместности, смущением и робостью, чувством, что сделал что-то неверное, ранящее других или неправильное с точки зрения закона или нравственных норм. Именно благодаря стыду увеличивается чувствительность человека к мнениям и чувствам других, особенно если они имеют статус референтных групп, общепринятым правилам поведения и общения. Переживание стыда начинается с внезапного и интенсивного усиления осознания своего «Я». Стыд обычно возникает в присутствии других людей, на фоне которых твое «Я» выглядит маленьким, беспомощным и несоответствующим требованиям момента.

Вина является главным образом результатом внутренних санкций, вызванных нарушением моральных или религиозных норм. Переживание вины состоит из мучающего чувства, что я ошибся, не прав по отношению к другим или к самому себе. Чувство вины сопровождается раскаянием, осуждением самого себя и понижением самооценки [10, с. 339—397]. Стыд ощущается тогда, когда индивид, определяя свое место на шкале «сильный — слабый», признает себя слабым. Вина — когда, оценивая себя по шкале «хороший — плохой», он кажется самому себе плохим

Конкретные представления о поступках, влекущих за собой эмоциональные переживания стыда и вины, были весьма разнообразными в разные исторические времена и у представителей разных культур. Противопоставление этих двух эмоциональных явлений, в частности, использовалось для типологизации культур. Культуры, в которых главным механизмом социального контроля является стыд, иногда называют «культурами стыда». А культуры, придающие решающее значение совести, — «культурами вины». Отмечалось, что часто эти понятия взаимоперекрываются, переходят одно в другое. Так, историки древнегреческой цивилизации считают ее «культурой стыда» при той оговорке, что уже Демокрит включал в понятие стыда некое внутреннее измерение, когда писал, что «нужно, чтобы человек, сделавший нечто постыдное, чувствовал сначала стыд перед собой». Христианскую этику часто называют классическим примером «культуры вины». Но слово «вина» и «виновность» встречаются в Ветхом завете лишь по два раза, а в Новом завете вообще отсутствуют. Зато стыд упоминает-

ся очень часто, особенно в противопоставлении славе. Отмечается также качественное различие западного и японского понимания вины. Японец ощущает сильное чувство вины, которое нередко символизируется как стыд, когда он не выполняет свои обязанности на ожидаемом от него уровне [13, с. 87—91].

Последняя из рассматриваемых нами массовых эмоций — зависть — впервые стала предметом всестороннего обсуждения у древнегреческих мыслителей. «Золотое правило» зависти сформулировал Аристотель: «человек под влиянием чувства соревнования старается сам достигнуть благ, а под влиянием зависти стремится, чтобы его ближний не пользовался этими благами» [14, с. 95]. Став побочным продуктом агонального (соревновательного) характера древнегреческой цивилизации, зависть приняла в ней многоликие формы: от простого соперничества, ревности и профессиональной зависти до «зависти богов» и коллективной зависти людей. Под «завистью богов» понималось их ревностное отношение ко всякому человеческому счастью и успеху, особенно если люди переходили границы установленно-го для них богами. Проявлением коллективной зависти стал остракизм — почетная ссылка особо влиятельных граждан. Ф. Ницше определил его как проявление «молчаливой зависти толпы». Остракизму не подвергался «никто из бедняков, а только представители богатых домов». Мотивацию выбора изгоняемой личности Плутарх свел к двум основным моментам: из зависти к славе или к богатству [15, с. 130, 132]. В христианстве основной акцент делался на греховности зависти. Зависть даже была объявлена одним из семи смертных грехов.

Но она осталась в любом человеческом обществе. Определенный всплеск зависти характерен для переходного общества. Вызвано это тем, что возникшими перспективами улучшения социального положения, по крайней мере на первых порах, люди смогли воспользоваться в разной степени. Это связано с их возрастом, образованием, способностями, местом жительства, степенью собственной активности и т. п. В результате, как отмечает, в частности, Л. Бальцеревич, образуется новый тип социального расслоения: одни могут использовать открывающиеся возможности, другие нет. Недовольство таким развитием событий среди людей второй группы и находит свое выражение в зависти. Она становится особенно заметной тогда, когда распространяется мнение, что победители в экономической гонке недостойны успеха, который им выпал, поскольку в глазах проигравших они являются представителями

элиты старой системы или сколотили свой капитал спекулятивными способами [8, с. 293—294].

Социальной практикой наработаны определенные способы влияния на эмоциональные состояния больших групп людей. Прежде всего это прямой способ активизации позитивных или негативных эмоций (посредством инициирования атмосферы реальной угрозы, например, со стороны террористов). Но э тот способ не является единственным. Другим, назовем его косвенным, направлением возможного влияния на массовые эмоции является ассоциирование их со старыми событиями, насыщенными определенными эмоциональными состояниями (например, ссылка на прежние социальные, национальные и иного рода конфликты с их жертвами и другими последствиями).

В основе действия косвенного механизма влияния на эмоциональные состояния (настроения) масс лежат две закономерности функционирования эмоциональной сферы психики. Первая закономерность — это образование условных эмоциональных реакций на нейтральные раздражители, которые *предшествуют* появлению эмоциогенных стимулов или *сопровождают* их. В результате бывшие нейтральные объекты приобретают способность вызывать схожие эмоциональные реакции.

Вторая закономерность — это генерализация эмоциональных раздражителей. Сущность такого рода генерализации состоит в том, что первоначально индифферентные раздражители, *похожие* на те, которые вызывают эмоции, приобретают способность вызывать такие же эмоции. Пределы генерализации зависят от силы раздражителя, пространственной и временной удаленности предметов от значимого для субъекта события [7, с. 90—98].

Первым эти особенности функционирования эмоциональности выявил Б. Спиноза. В его знаменитом учении об аффектах мы встречаем такие тезисы. «Если душа подверглась когда-нибудь сразу двум аффектам, то впоследствии, подвергаясь какому-нибудь одному из них, она будет подвергаться также и другому» [11, с. 468]. «Вследствие одного того, что мы воображаем, что какая-либо вещь имеет что-либо сходное с таким объектом, который обыкновенно причиняет нашей душе удовольствие или неудовольствие, мы будем любить или ненавидеть эту вещь». «Кто получил удовольствие или неудовольствие от кого-нибудь, принадлежащего к другому сословию или другой народности, сопровождаемое идеей о нем как причине этого неудовольствия, под общим именем сословия или народности, тот будет любить или ненавидеть не только его, но и всех принад-

лежащих к тому же сословию или народности» [11, с. 469, 492].

В конечном счете следует подчеркнуть, что, на наш взгляд, адекватное объяснение и прогнозирование поведения больших групп людей в обязательном порядке предполагает выяснение состояния и динамики их настроений и массовых эмоций.

Список цитированных источников

1. *Аристотель*. Политика / Аристотель // Соч. в 4 т. — М., 1983. — Т. 4.
2. *Вилюнас, В. К.* Психология эмоциональных переживаний / В. К. Вилюнас. — М., 1976.
3. *Рубинштейн, С. Я.* Бытие и сознание / С. Я. Рубинштейн. — М., 1957.
4. *Блумер, Г.* Коллективное поведение / Г. Блумер // Американская социологическая мысль: тексты. — М., 1994.
5. *Бехтерев, В. М.* Избранные работы по социальной психологии / В. М. Бехтерев. — М., 1994.
6. *Вундт, В.* Психология душевных волнений / В. Вундт // Психология эмоций. Тексты. — М., 1984.
7. *Рейковский, Я.* Экспериментальная психология эмоций / Я. Рейковский. — М., 1979.
8. *Бальцерович, Л.* Социализм, капитализм, трансформация: очерки на рубеже эпох / Л. Бальцерович. — М., 1999.
9. *Плеханов, Г. В.* Материалистическое понимание истории. Избранные философские произведения: в 5 т. / Г. В. Плеханов. — М., 1957. — Т. 2.
10. *Изард, К.* Эмоции человека / К. Изард. — М., 1980.
11. *Спиноза, Б.* Этика. Избранные произведения: в 2 т. / Б. Спиноза. — М., 1957. — Т. 1.
12. *Бахтин, М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. — М., 1990.
13. *Кон, И. С.* Моральное сознание личности и регулятивные механизмы культуры / И. С. Кон // Соц. психология личности. — М., 1979.
14. *Аристотель*. Риторика / Аристотель // Античные риторика. — М., 1978.
15. *Согомонов, А. Ю.* Феноменология зависти в древней Греции / А. Ю. Согомонов // Этич. мысль. — М., 1990.

Дата поступления в редакцию: 10.03.2013.